

Беседа 35 Спаситель у Анны

Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его, и отвели Его сперва к Анне, ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником. Это был Каиафа, который подал совет Иудеям, что лучше одному человеку умереть за народ... Первосвященник же спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его. Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил. Когда Он сказал это, один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику? Иисус отвечал ему: если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня? Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе

(Ин. 18, 12 - 13; 19 - 24).

Исполнилось то, чего давно желала злоба ада. Иисус Назорейский в руках иудейских начальников.

Взяли Иисуса и связали Его, и отвели Его сперва к Анне, ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником.

Это был Каиафа, который подал совет Иудеям, что лучше одному человеку умереть за народ. Прежде всего привели связанного Христа к Анне потому, что он был тесть того, который еще прежде произнес смертный приговор Учителю Назорейскому. Это значит, что хотели доставить удовольствие, радость тому, кто более многих других участвовал в кровавых замыслах против Христа Иисуса, а вместе был и сильным лицом в синедрионе. Анна, или Анан, одиннадцать лет был первосвященником. Не много значило, что и теперь, уже уволенный с должности, носит он имя первосвященника: в это время расстройства иудейской Церкви не так, как в лучшие времена ее, много было первосвященников, например, как говорит святой Аугустин: *и Анна первосвященник, и Каиафа, и Иоанн, и Александр, и прочие из рода первосвященнического* (Деян. 4, 6). Но Анан пользовался особенным уважением и имел влияние на ход дел правления как по связям и богатству, так по летам и приобретенной ловкости в управлении. Несмотря на нежелание римской власти оставить долго власть первосвященника в руках одного лица, Анан умел продлить эту власть в своей семье: сперва передал он ее сыну Елеазару, потом зятю Каиафе, затем другому сыну Ионафану.

Анан был счастливым нечестивец — саддукей в полном виде; можем сказать словами Пророка, столетний грешник (Ис. 65, 20).

Первосвященник же спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его. На первый взгляд вопрос простой. О чем и спрашивать Учителя, как не об учениках и об учении? Но эта простота — не простота невинности, а самой тонкой хитрости, самой лукавой злобы. Анан, предлагая простой вопрос об учениках и об учении, имел в виду наблюдать зорко, не найдется ли в ответе Иисуса о Его учении что-нибудь такое, что можно было бы выставить как улику в новизне, в расколе, в ереси; не сказано ли будет что-нибудь и об учениках, за что можно было бы позвать их в суд, а через них ввести и Учителя на допросы нелегкие; даже одно сознание в том, что много учеников у Иисуса, для Анана послужило бы поводом к тому, чтобы обвинять Иисуса в заговорах и возмущении против гражданской власти. Господь видел Анана даже глубже, чем сам Анан видел свою черную душу. Он не сказал ни слова об учениках: так любовь Его берегла их. Он отвечал об учении.

Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего.

Что спрашиваешь Меня? Показывая в учении Своем учение святое, чистое, не подлежащее подозрению, Господь указывает, во-первых, на открытое преподавание учения. Более трех лет преподавалось оно в слух вселенной — многие тысячи слышали его по всей стране. Оно преподавалось в синагоге (Ин. 6, 59), где, по обычаю иудеев, учили только закону Божию и где не дозволили бы преподавать ересь; оно преподавалось в храме (Ин. 8, 20; 10, 23), где и закон велит предлагать учение о благочестии и где иудеи собирались на великие праздники со всех стран и, следовательно, были свидетелями тому, что предлагал Иисус Христос со всею свободой духа и не был, однако, обличен ни кем в противоречии святой вере (Мф. 21,23; Лк. 19, 17; 21, 37). Оно предлагалось *всегда* — как только открывался к тому случай, как только являлись желающие слушать необходимое для вечности (Лк. 19, 47). Тайно Иисус не учил ничему. У Него не было никогда скрытных собраний. Он, напротив, говорил ученикам Своим: *Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях* (Мф. 10, 27). Он говорил: *всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы* (Ин. 3, 20). После этого понятно, что неуместно, недобросовестно, нечестно подозревать такое учение в расколе, в ереси. После сего понятно, что не для чего первосвященнику Анану спрашивать Самого Учителя Иисуса о Его учении, столько известном для всех.

Что спрашиваешь Меня? Этот вопрос говорит Анану: может ли быть, чтобы архиерей не знал того, что знают тысячи, слушавшие Иисуса? Может ли быть, чтобы синедрион собрался судить Учителя Назорейского хладнокровно, — не себя ли самого подвергает он стыду пред людьми и строгой ответственности пред Богом, когда хочет судить и осуждать Его без всяких доказательств, одобренных совестью и умом, только по увлечению порывами диких страстей?

Спроси слышавших, что Я говорил им; вот, они знают, что Я говорил. Ясность учения, доступность его уму и сердцу каждого — вот новое одобрение учению Христову, новый признак божественного происхождения его. Земная философия находит доступ себе только в школах, а потому и дробится на школы — Аристотелеву, Платонову, Пифагорову, фарисейскую, саддукейскую и далее без числа. Только мудрость небесная — одна для всех, всеми understandable, во всех классах народа, во всех сердцах и умах находит себе доступ. *Вот, они знают, что Я говорил.* После сего, если угодно

первосвященнику Анану знать учеников Иисусовых, он легко может найти их — он найдет их в каждом добросовестном израильтянине.

Таков был ответ Спасителя Анану, ответ полный кротости, простоты, ясности, величия божественного! Молчание Анана служило подтверждением тому, что враги Иисуса ничего не могли сказать против верности и чистоты учения Иисусова. Иисус вызывал всех и каждого говорить против Его учения, и все молчали. Так оправдалось то, что говорил Пророк о рабе Иеговы: *не было лжи в устах Его* (Ис. 53, 9).

Когда Он сказал это, один из слугителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты первосвященнику? «Ужаснись небо, вострепещи земля пред кротостью Господа и пред бесстыдством раба! — говорит святой Златоуст. — Что такое сказано? Не с тем, чтобы не отвечать, сказал: Что спрашиваешь Меня?» — а для того, что хочет Он отсесть всякий повод к несправедливости. И заушенный за то, Он, Который может всё потрясти и уничтожить, не делает ничего такого... Видишь ли суд, дышащий волнением, мятежом, гневом, бесчинством? Первосвященник спросил коварно — Христос отвечал правильно и прилично. Что оставалось делать? Опровергать или успокоиться. Делается не то. — Слуга бьет Его».

Иисус отвечал ему: если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня? Смысл слов Спасителя тот: несправедливое насилие само говорит о себе, ему нечем другим опровергать истину — оно само себя признает побежденным. Если сказано худо — докажи, что худо, иначе истина не на твоей стороне. Этот ответ дан Спасителем и на всё последующее время страданий Его. Он не повторял его, когда Его били, ругали и мучили, но враги Его должны были помнить произнесенный раз и навсегда его приговор. Таким образом, это был ответ не столько наглому слуге, который из низкой услужливости дозволил себе бессовестную несправедливость, сколько всему синедриону, дышавшему насилием, кровью.

Анна послал *Его* связанного к первосвященнику Каиафе. Как и каждого, кого брали под суд, Спасителя обременили оковами еще в саду Гефсиманском. Сомнительно, чтобы во время ответа Анне Он стоял в оковах, по крайней мере этого не было в обыкновении. Когда повели Его к Пилату, то, по словам евангелиста, снова надели

на Него оковы (Мф. 27, 2). После того как ни в чем не обвинен Назорейский Учитель Анною, не было делом человеколюбия со стороны первосвященника отягчать невинного оковами. Если послали Его к Каиафе, то только для того, чтобы окончить суд кровавой смертью. Еще более чести для Анана!

Слушатели мои! Если и нам встретятся Ананы с холодною и даже злою душою против веры, пожалеем о них: Ананы одинаковы: они готовы смеяться над верою, готовы унижать веру, готовы осыпать презрением дела набожности, — но они не знают ни веры, ни набожности, хотя и хотят казаться умными; в храмах не бывают они, книг святых не читают, жизнью своею не проверяют учения святого. С чего же знать им те вещи, до которых не касались они ни разу глубоким вниманием? То, что миллионам душ приносит свет и жизнь, то, в чем находят покой и простые сердца пастырей и воинов, и сильные умы философов, юристов, политиков, против чего ничего не может сказать основательного самая притязательная пытливость, то наверно свято, чисто, непреложно, боже-ственно. Дерзость может против дела Христова употреблять насилие и жестокость, но тем она будет только унижать себя, а не дело Христово.

Христе Свете истинный! Ты для того послан нам Отцом Небесным, чтобы просвещать нас. Сияй для нас, для нашего вечного спасения, чтобы зрели мы, куда и как идти нам по пути к небу. Аминь.

